

Ветер обметал холодные ветки, луна висела в небе пустая и холодная. Цинь Хуань сидел у окна, спокойно держа кисть, копируя «Записки умиротворённого сердца» знаменитого даоса Сун Лана из прошлой династии. Время от времени он поднимал взгляд на окно, словно ожидая первого в этом году снега.

Белая бумага ещё не была израсходована, но ему пришлось остановиться, потому что вместо первого снега он дождался другого человека.

— Ваше Высочество, смотрите, что я нашёл!

Молодой человек всегда действовал порывисто, и даже торжественная и строгая атмосфера Восточного дворца не могла остановить его живого и энергичного появления.

Чжао Цинфэн с восторгом держал в руках новый сандаловый ларец и, словно преподнося сокровище, протянул его Цинь Хуаню:

— Смотрите!

Цинь Хуань не отрывал взгляда от Чжао Цинфэна, наблюдая за его радостью, и тяжесть в сердце, казалось, немного рассеялась. Он проглотил слова, которые хотел сказать, и, следуя его настроению, открыл ларец с резьбой в виде летучих мышей и цветов персика.

Внутри нового ларца лежал древний свиток, который был бесценен.

— Ваше Высочество, вы упоминали стихи монаха Хун Я. Я нашёл их.

Чжао Цинфэн осторожно извлёк древний свиток из ларца, его горящие глаза с ожиданием смотрели на Цинь Хуаня, в его взгляде была не только искренность, но и тень гордости, словно он ждал похвалы.

— Ваше Высочество, проверьте, это ли подлинник? Если я не ошибся, то, закончив копировать, вы должны будете подарить мне одну копию.

Цинь Хуань, глядя на его старания, невольно улыбнулся, но уголки губ лишь слегка приподнялись, чтобы тут же опуститься. Он не стал разворачивать свиток, лишь провёл рукой по пожелтевшей обложке, на которой были написаны три иероглифа «Записки Снежной кельи», и тихо сказал:

— То, что ты нашёл, конечно, хорошо... Этот свиток я пока оставляю за собой.

Чжао Цинфэн, услышав это, не стал настаивать, а лишь кивнул с пониманием:

— Это же вы сказали, Ваше Высочество. Раз оставляете за собой, не забудьте вернуть.

— Конечно... верну.

Цинь Хуань тихо выдохнул, но голос его звучал так слабо.

Чжао Цинфэн наконец почувствовал, что что-то не так, и, приблизившись к Цинь Хуаню, тихо спросил:

— Ваше Высочество, что-то вас тревожит сегодня?

Цинь Хуань открыл рот, но, глядя на молодого человека, который за эти годы стал

мужественным и зрелым, он не смог выговорить заранее подготовленную ложь.

Три года прошло с тех пор, как они впервые встретились в зале Хуачун.

Три года назад семнадцатилетний наследник маркиза Чжуннина, Чжао Цинфэн, сопровождал отца в столицу для отчёта. Его свободный и уверенный вид сразу покорила сердце наследного принца Цинь Хуаня. Цинь Хуань совершил самый безумный поступок в своей осторожной жизни, используя служебные дела для личных целей, задержав Чжао Цинфэна в столице.

Позже он очнулся, чувствуя вину, и хотел отправить Чжао Цинфэна обратно, но наследник маркиза Чжуннина нашёл сотню причин, чтобы остаться, и даже упрямо явился в Восточный дворец, чтобы лично заявить о своём желании остаться. Тогда Цинь Хуань, встретившись с его горячим, но сдержанным взглядом, вдруг понял, что в тот день потерял сердце не только он один.

В глубинах дворца, на политической арене, люди всегда были непредсказуемы. Цинь Хуань родился и вырос здесь, он видел, как интриги и грязь власти разъедали императорский двор, и ощутил на себе боль потери матери и старшего брата, ставших жертвами заговоров. И всё же он, словно в безумии, поверил в искренность Чжао Цинфэна.

К счастью, он не ошибся.

Но, к сожалению, всё должно было закончиться здесь.

— Ваше Высочество, что случилось? Произошло что-то?

Чжао Цинфэн, хоть и был прямодушным, но всё же вырос в доме маркиза на границе, и за эти годы, проведённые рядом с Восточным дворцом, он тоже мог уловить настроение Цинь Хуаня.

Произошло... Да, произошло. Левый министр Хэ Уцин, желая возвести на престол сына своей сестры, объединился с князем Цзи Цинь Вэем, чтобы обвинить его в чёрном колдовстве, в попытке убить отца и узурпировать трон.

Какая абсурдная ложь! Он, Цинь Хуань, уже наследный принц, через двадцать-тридцать лет трон и так будет его. Зачем ему идти на такой риск?

Но его отец, император, в старости стал подозрительным и мнительным, доверяя коварным министрам, но опасаясь собственного сына...

Цинь Хуань ничего не сказал Чжао Цинфэну, а внезапно прижался к его груди, обняв его крепкую спину, сначала слабо, а потом всё сильнее:

— Чжухуа...

— Ваше Высочество?

Только в моменты особой близости Цинь Хуань называл его так. Чжао Цинфэн сначала удивился, но, опомнившись, встревожился. Хоть их чувства были взаимны, оба всегда соблюдали приличия, и за три года они редко переступали границы. Цинь Хуань был сдержанным, и его сегодняшняя активность и решительность заставили Чжао Цинфэна насторожиться:

— Кто-то действительно хочет вам навредить?!

— Я хочу, чтобы ты вернулся на Северо-Запад.

Под настойчивые вопросы Чжао Цинфэна Цинь Хуань наконец заговорил, но не ответил на его вопрос, а твёрдо сказал:

— Что бы ни случилось в столице, больше не возвращайся.

Чжао Цинфэн широко раскрыл глаза. Хоть Цинь Хуань ничего не сказал, он уже начал догадываться:

— А вы, Ваше Высочество? Что произошло? Кто хочет вам навредить?

Его вопрос звучал и как запрос, и как шёпот, но Цинь Хуань не ответил. Однако в следующий момент Чжао Цинфэн вдруг стал решительным:

— Кто бы это ни был... Ваше Высочество, поедьте со мной на Северо-Запад!

— Там есть 200 000 солдат моего отца, маркиза Чжуннина, которые охраняют границу. Ваше Высочество, поедьте со мной, и мы обязательно...

— О чём ты говоришь?

Голос Цинь Хуаня вдруг стал холодным, спокойным, как мёртвая вода, но полным давления:

— 200 000 солдат на границе противостоят сюзэням, защищая границы Да Ци. Ни одного солдата нельзя снять с позиций.

— А вы, Ваше Высочество!

Чжао Цинфэн закричал, его глаза покраснели:

— Вы сын первой императрицы, преданный императору и стране, никогда не ошибались. Теперь, когда вас обвиняют, вы просто сдадитесь?!

— Верность императору и стране... В вашем доме маркиза Чжуннина тоже есть иероглиф «верность».

Цинь Хуань строго спросил:

— Верность Да Ци, верность Поднебесной. Ты забыл?

— Но я хочу быть верен только вам!

Чжао Цинфэн сорвал голос, с трудом выдавив эти слова.

— Если ты верен мне, то слушай меня и возвращайся на Северо-Запад... Армия Северо-Запада не может быть тронута, и я не уйду.

Цинь Хуань не отступал, но его голос стал тише, даже с ноткой невыразимой нежности:

— Чжухуа, как ты сказал, я сын первой императрицы, наследный принц Да Ци.

— Подлые люди оклеветали меня, но я не могу подвести народ Да Ци.

Цинь Хуань горько улыбнулся, глядя на небо, где тучи закрывали луну, и перечислял Чжао

Цинфэну:

— Если я уйду, армия выступит на Северо-Запад, сюжэни воспользуются шансом, и в стране начнётся хаос... Я не могу погубить дом маркиза Чжуннина, не могу погубить Да Ци.

— Ваше Высочество...

Чжао Цинфэн приподнял край одежды и опустился на колени перед Цинь Хуанем. Его глаза покраснели, но голос звучал твёрдо:

— Если в Поднебесной наступит хаос, Чжао Цинфэн готов отдать всю свою жизнь сражениям на поле боя, даже если придётся умереть, я обязательно верну вам мирное время.

— Только прошу вас сегодня, поедьте со мной на Северо-Запад!

Цинь Хуань пристально смотрел на молодого человека, стоящего на коленях перед ним, и в его сердце словно пронзили тысячи мечей. Как он хотел просто согласиться, уехать с ним на Северо-Запад, поднять знамя, оседлать боевого коня и изменить этот шаткий мир.

Но... уже слишком поздно.

Днём он получил известие, что приближённые князя Цзи уже окружили Восточный дворец, ожидая, пока Хэ Уцин получит императорский указ, чтобы отправить его в последний путь.

Жёлтый подол одежды скользнул по полу. Чжао Цинфэн инстинктивно поднял голову, и его губы ощутили лёгкий холод. Он оцепенело хотел обнять его, но тело вдруг потеряло силу, и через мгновение он упал на пол.

— Ваше Высочество...

Он изо всех сил хотел крикнуть, но смог лишь прошептать что-то, что сам едва слышал.

Цинь Хуань наклонился и тихо прижался к Чжао Цинфэну. Вспоминая три года, проведённые вместе, они редко были так близки. Цинь Хуань закрыл глаза, слегка прикоснувшись лбом к его шее. Тепло их кожи заставило его внезапно сильно пожалеть о том, что они потратили столько времени на соблюдение приличий и сдержанности...

Снаружи раздались тяжёлые шаги солдат, и массивные красные двери снова распахнулись. Цинь Хуань открыл глаза и услышал насмешливый голос вошедшего.

— Ха, наследный принц всё ещё не может расстаться со своим любимцем даже в такой момент?

<http://bllate.org/book/16488/1498015>